

III. Страницы новейшей истории

В. П. Сапон

Воспоминания сормовского рабочего об «отце русской социал-демократии» Г.В. Плеханове

Сормович Иван Дмитриевич Чугурин (1883–1947) вошел в советскую историографию как хрестоматийный пример развитого пролетария, искренне поверившего в историческую правоту ленинизма и положившего всю свою сознательную жизнь на практическое воплощение ленинских идей. В публикациях, посвященных соответствующим эпизодам истории российского революционного движения неизменно указывалось, что этот человек был одним из организаторов и активных участников баррикадных боев в Сормове в декабре 1905 г.¹; после разгрома Сормовской «республики» работал в Пермском комитете РСДРП, под руководством *самого* Я.М. Свердлова (который, кстати, был на два года младше Чугурина) познавая «азы внутривластной работы»² и «политические науки»³; в февральские дни 1917 г., будучи членом Выборгского районного и Петербургского городских комитетов РСДРП, «находился в первых рядах борющегося питерского пролетариата»⁴; 3 апреля 1917 г. участвовал в торжественной встрече В.И. Ленина на Финляндском вокзале российской столицы, вручил вернувшемуся из эмиграции вождю большевиков партийный билет № 600⁵. «До конца своей жизни он был верен заветам В.И. Ленина, считая себя его учеником, отдавая все свои

¹ Федоров В.Д. На баррикадах Сормова. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. – С. 66–67; Батаков В.Е. Иван Чугурин. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1975. – С. 23–32.

² Батаков В.Е. Иван Чугурин. – С. 37.

³ Макаров Г.Н. В.И. Ленин и нижегородские рабочие-революционеры (1891–1917). – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1986. – С. 117.

⁴ Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. – февраль 1917 г.) / Сост. Р.Ш. Ганелин, В.А. Уланов. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 400.

⁵ См., напр.: Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. Изд. 3-е, доп. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 586; Октябрьская революция: Вопросы и ответы. – М.: Политиздат, 1987. – С.46; Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. – Горький, 1964. – С. 98; Макаров Г.Н. В.И. Ленин и нижегородские рабочие-революционеры (1891–1917). – С. 138.

силы строительству новой жизни»⁶, – резюмировалось в революционно-мемуарном сборнике, изданном уже в годы перестройки.

Впрочем, иногда в литературе встречались указания на то, что на первом этапе своей революционной «карьеры» Иван Чугурин не являлся большевиком, но этот «меньшевизм» знаменитого в свое время сормовского пролетария преподносился как явление случайное и кратковременное. Так, историк В.В. Ниякий, автор ряда интересных книг о событиях Первой российской революции в Нижегородском Поволжье, утверждал, что в 1905 г. сормовские рабочие-меньшевики испытывали сильное влияние большевиков; многие из них, «войдя в общую организацию (Нижегородский объединенный комитет РСДРП был создан в октябре 1905 г. в результате сближения местных меньшевистских и большевистских организаций. – В.С.), полностью восприняли большевистские установки, совпадавшие с их классовым, революционным настроением и на всю жизнь остались большевиками. Примером такого типа рабочего может быть Иван Чугурин...»⁷. Подобные оценки содержались и в мемуарных источниках. К примеру, Н.К. Крупская, описывая учеников партийной школы в Лонжюмо (1911 г.), охарактеризовала нашего героя следующим образом: «... Чугурин считал себя плехановцем. Это был сормовский рабочий, сидевший долго в тюрьме, очень развитый рабочий, большой нервняга. Скоро стал он большевиком»⁸.

Мемуарные материалы, написанные самим Иваном Дмитриевичем (в частности, опубликованные воспоминания о В.И. Ленине⁹, а также отложившиеся в архиве рукописи воспоминаний о Я.М. Свердлове и Г.В. Плеханове) как будто вполне подтверждают устоявшийся историографический стереотип о «стойком большевике» Чугурине. В частности, в предлагаемом для публикации документе сормовский революционер описывает самого себя как горячего сторонника *Владимира Ильича* и его партийно-политической тактики; при встрече он, «плехановец», советует самому Г.В. Плеханову «идти с тов[арищем] Лениным нога в ногу, так как масса революционных рабочих и с[оциал]-д[емократические] рабочие идут с тов[арищем] Лениным»; далее он пишет, что в борьбе с самодержавием «нас как ликвидаторы, так и меньшевики предавали» (см. ниже, с. 7). Тем большую ценность для нас представляют документы, которые позволяют в большей или меньшей степени верифицировать как достоверность предлагаемого для публикации мемуарного источника, так и объективность его автора. Речь идет об автобиографических записках И.Д. Чугурина разных лет, а также о его письмах 1911–1912 гг., перехваченных российским жандармским ведомством.

⁶ Крушение царизма: Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. – февраль 1917 г.). – С. 400.

⁷ Ниякий В.В. Первая российская революция в Нижегородском Поволжье. – Горький: Волго-Вятское кн. Изд-во, 1985. – С. 107. См. также: Федоров В.Д. На баррикадах Сормова. – С. 67; Батаков В.Е. Иван Чугурин. – С. 20.

⁸ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. Т. 2. Н.К. Крупская / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1989. – С. 145.

⁹ См.: Воспоминания нижегородцев о В.И. Ленине. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1960.

Из этих документов следует, что Иван Дмитриевич был достаточно самостоятельным в мыслях и поступках человеком – как в личной жизни, так и на политическом поприще. В частности, уже в советский период он вполне откровенно рассказывал о своей отнюдь не рядовой роли среди сормовских меньшевиков в 1905 г., а также о достаточно пассивной роли большевиков в создании объединенной социал-демократической организации. В одном из вариантов чугуринской автобиографии по этому поводу можно прочитать следующее: «В период между 9 июля и 17 октября [1905 г.] в Сормове была организована меньшевистская организация, а в Н[ижнем]-Новгороде меньшевистский комитет, в которых работа велась отдельно, но фактически работа была всегда согласована. Это разделение было произведено мною, тов. Савиным и Алексеем Барановым, в лице которых немедленно был организован сормовский комитет. Через короткий промежуток времени Савин и Баранов были арестованы при проводах товарищей [,] и вся инициатива работы легла на меня, как на старого работника. 17-го октября по выходе из тюрьмы Савина и Баранова мы предложили большевистской организации соединиться с нами, разногласием в это время между нами был § 1 Устава. Те долгое время не соглашались и только после нашего категорического заявления о том, что мы самостоятельно созовем всю организацию и вопросы будем ставить без них, они присоединились к нам, тогда был образован единый объединенный комитет большевиков и меньшевиков, на котором все вопросы о тактике и принципиальные вопросы разрешались совместно и проводились в жизнь вплоть до вооруженного восстания (выделено мной. – В.С.)»¹⁰.

После разгрома Первой русской революции и в период стабилизации царского режима Иван Дмитриевич примкнул к так называемым *меньшевикам-партийцам*, которые в отличие от *ликвидаторов* считали необходимым сохранить нелегальные структуры партии в преддверии нового подъема общественного движения в России. Эту позицию поддержал Г.В. Плеханов, поэтому участников указанной фракции часто называли «плехановцами». Именно в таком политическом качестве бывший сормовский рабочий оказался среди слушателей партийной школы в Лонжюмо, этим же объясняется искренне уважительное отношение к патриарху российского социал-демократии, зафиксированное в письмах И.Д. Чугурина, да и в его позднейших воспоминаниях. Так, в письме из Женевы от 29 августа 1911 г. Иван Дмитриевич отмечал: «...Мы теперь ведем беседы с Плехановым. Завтра он будет читать курс по философии... Он очень хороший человек, ходит гулять с нами, ведет на прогулке разные разговоры о текущих событиях. И знаешь, что мы иногда с ним не соглашаемся.

¹⁰ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее: ГОПАНО). – Ф. 244. – Оп. 2. – Д. 1178. – Л. 49–50.

Он очень внимательно нас выслушивает и тоже иногда не соглашается с нами. Но главное, что мы в основном с ним сходимся [,] и теперь мы почти выяснили интересующий вопрос... (выделено мной. – В.С.)»¹¹.

С В.И. Лениным, читавшим в Лонжюмо лекции по «тактике марксизма» и аграрному вопросу, Иван Чугурин и его товарищи также спорили, но в данном случае разногласия носили намного более фундаментальный характер. Об этом сорочкович достаточно подробно написал в письме от 21 июня 1911 г. В противовес лидеру большевиков «плехановцы» во главе с Чугуриным высказывали убеждение в том, что предстоявшая российская революция будет буржуазной, а ее политическим гегемоном, соответственно, станет буржуазия; что революционную роль крестьянства большевики преувеличили, а роль городских мелкобуржуазных слоев, напротив, значительно недооценили. «Ты видишь, – отмечал Иван Дмитриевич в своем письме соратнику, – что мы стоим на меньшев[истской] точке зрения, да и на марксистской»¹². В.И. Ленин, в свою очередь, тоже оказался достойным полемистом и «ортодоксом»: «Он уже очень иронически посмеялся, когда я выдвинул эти положения, что революция буржуазна и что захватит власть буржуазия. Это больно бьет против диктатуры пролетариата и крестьянства (против участия во времен[ном] правительстве, он нападает жестоко. Доживем увидим. Чувствуется одно у нас у всех, что научный авторитет его создает робость в наших рядах. Но за нами опыт русской революции, ее история подтверждает наши положения. И поскольку он нас с этих позиций собьет, постольку будет его успех... (выделено мной. – В.С.)»¹³.

Приведенные выше выдержки из писем И.Д. Чугурина не только указывают на наличие в этом человеке партийной (но вовсе не большевистской) принципиальности и стойкости; они позволяют также расставить правильные акценты при ознакомлении с мемуарами незаурядного рабочего-революционера о Г.В. Плеханове, написанными в ту эпоху, когда многие факты истории приходилось «интерпретировать» в соответствии с руководящими установками.

¹¹ ГОПАНО. – Ф. 1866. – Оп. 2. – Д. 856. – Л. 4–5.

¹² Там же. – Л. 6.

¹³ Там же. – Л. 6.

Чугурин И.Д. Мои воспоминания о Плеханове

После окончания занятий в партийной школе¹⁴ в Лонжумо¹⁵ (Франция) в 1911 г. у В.И. Ленина, Владимир Ильич меня, Савку¹⁶ (расстрелянного вместе с 26-ю бакинцами) и другими учениками отправил в Женеву к Плеханову, предварительно списавшись с ним о нашей поездке.

Перед отъездом вечером Владимир Ильич во время прогулки со мной (он часто вечером делал такие прогулки) сказал мне, чтобы я Плеханову рассказал подробно, что сейчас происходит в России, как ведут себя ликвидаторы и меньшевики в практической работе, что они предлагают делать (мною было помещено письмо в [“] Рабочей газете [”] о работе их в клубе трудящихся в Киеве в июне и июле 1911 г.). Это для Плеханова будет очень ценно, т.к. сведения, которые он получает, передаются приезжающими, которые в гуще рабочих не работают, а переписку он имеет с двумя-тремя лицами и с братом, который ему может сообщить [,] как живут помещики. Хорошо было бы, если он не занимался бы практической работой, а занял бы у нас в партии такое же положение, какое занимает Каутский в германской с[оциал]-д[емократической] партии, а то оторванный от массы, он хочет влиять на практическую линию партии и путается в ногах. Разрабатывал бы теоретические вопросы, “он ведь мировой философ, умнее его и знающего философию сейчас нет никого”.

По приезде в Женеву я и другие ученики говорили с Плехановым о состоянии партийной работы в России, возмущаясь тем, что ликвидаторы больше занимаются разными комбинациями с полицией, как бы получить то или другое разрешение на прочтение лекций, и в этих лекциях старались не обидеть самодержавный строй, вместо того, чтобы использовать трибуну против самодержавия, и когда мы, революционеры-рабочие, нелегалы, выступая на этих лекциях, говорили о повседневных нуждах рабочего класса, делая выводы о негодности существующего строя, указывая, что необходимо вести борьбу прежде¹⁷ всего против самодержавия, а это мы умели, научились, то и тут нас как ликвидаторы, так и меньшевики предавали. Не давали говорить, прерывали, зная нас, более передовым не давали слова, а если выступишь – поднимали шум, начинал тебя склонять, что мы провоцируем и т.д., предавали в руки полиции. Затем мы указывали

¹⁴ Занятия в партийной школе в Лонжумо завершились 17 (30) августа 1911 г.

¹⁵ Так в документе.

¹⁶ Зевин Яков Давидович (Савва) (1888–1918) – член РСДРП с 1904 г. В период обучения в партийной школе в Лонжумо примыкал к фракции «плехановцев». Участник VI (Пражской) конференции РСДРП, состоявшейся 5–17 (18–30) января 1912 г. С 1915 г. член Бакинского комитета большевиков. После Февральской революции 1917 г. – работник Московского окружного комитета РСДРП (б), с августа 1917 г. вел партийную работу в Баку. С апреля 1918 г. выполнял обязанности комиссара труда в Бакинском совете народных комиссаров. Расстрелян 20 сентября 1918 г. в числе 26 бакинских комиссаров.

¹⁷ Подчеркнуто в документе.

на то, что тов[арищ] Плеханов о положении дел в России, о работе партии неправильно, видимо, информируется, поэтому ему надо идти с тов[арищем] Лениным нога в ногу, так как масса революционных рабочих и с[оциал]-д[емократические] рабочие идут с тов[арищем] Лениным, даже честные рабочие[-]меньшевики больше работают с большевиками и не слушают своих вождей. У меньшевиков нет почвы под ногами перед рабочей массой [,] и они не могут ее организовать.

Плеханов, выслушав нас, сначала несколько заволновался. Затем заявил, что он согласен, что партия должна быть нелегальной, иначе быть не должно, в этом он согласен с Лениным, но он не может Ленина поддерживать, когда он хочет выгнать всех из партии. Здесь он с ним расходится. Тогда мы ему стали возражать, что если ликвидаторы против нелегальной партии, то как же их держать в партии или, как Дан¹⁸ заявил, что лучше в Думу выставить беспартийного рабочего, популярного, чем партийного социал-демократа. Значит [,] и меньшевики против партии. Разве это партийная линия? Вот мы, ученики, за изданную Мартовым брошюру¹⁹, которую использовало “Новое время”²⁰ против нас, потребовали,

¹⁸ Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871–1947) – участник российского социал-демократического движения с 1894 г. Одни из руководителей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1896 г. В 1901 г. в Берлине возглавил группу содействия «Искре». В 1903 г. примкнул к меньшевикам, вошел в состав редакций газеты «Искра» и журнала «Социал-демократ». В годы Первой русской революции являлся одним из ведущих идеологов и лидеров меньшевистской фракции РСДРП. После политической амнистии в октябре 1905 г. вернулся в Россию, принял активное участие в работе ряда меньшевистских изданий, вошел в состав Объединенного ЦК РСДРП. Участвовал в работе Общерусской конференции партийных работников в Женеве (май 1905 г.), IV (апрель 1906 г.) и V (апрель-май 1907 г.) съездов РСДРП. После поражения революции эмигрировал в Швейцарию, вошел в редколлегию газеты “Голос социал-демократа”, сотрудничал в ряде легальных российских изданий. Наряду с Ю.О. Мартовым, П.Б. Аксельродом, А.С. Мартыновым занимал центристскую позицию, не отказываясь от необходимости нелегальной социал-демократической партии и в то же время призывая к ее демократизации. После очередной политической амнистии в 1913 г. вернулся в Россию, вошел в Организационный комитет меньшевиков, руководил меньшевистской фракцией IV Государственной Думы. В первые годы 1-й мировой войны находился в ссылке. В 1916 г. мобилизован в качестве военного врача. После Февральской революции 1917 г. вошел в руководящие органы меньшевистской партии, активно выступал за «революционное оборончество». Был избран членом Президиума ВЦИКа и Предпарламента. В конце 1917 г. примкнул к левым меньшевикам, в 1918 г. как представитель меньшевистской партии избирался членом ВЦИКа 3-го и 4-го созывов. Резко критиковал деятельность советского правительства. В 1921 г. за антибольшевистскую деятельность был арестован, в январе 1922 г. выслан за границу. В 1923–1940 гг. являлся членом Заграничной делегации РСДРП и редакции журнала «Социалистический вестник». С 1941 г. издавал в Нью-Йорке журнал «Новый путь».

¹⁹ Речь идет о брошюре Ю.О. Мартова «Спасители или упразднители?», изданной в Париже в 1911 г., в которой этот видный меньшевик ставил вопрос о неправомерности проводимых большевистскими боевиками экспроприаций и о наследстве московского миллионера Н.П. Шмита, которое большевистское руководство намеревалось использовать в интересах своей фракции.

²⁰ «Новое время» – российская газета, издавалась в 1868–1917 гг. в Санкт-Петербурге (Петрограде). Первоначально газета имела репутацию либерального печатного органа, однако в период редакторства А.С. Суворина (1876–1912 гг.) «Новое время» приобрело устойчивое консервативное направление. Газета была закрыта большевиками 26 октября 1917 г.

чтобы ЦК партии исключил Мартова из партии²¹. Такие издания не помогают партии в борьбе, а дезорганизуют ряды рабочего класса. Эти вопросы могли бы быть разрешены внутри партии, но если выступаешь открыто в печати, то дезорганизуешь ряды партии, делаешь то же самое, что делают ликвидаторы. “Я с меньшевиками тоже расхожусь” [,] – заявил Плеханов. Мы тогда ему ответили, что он больше выступает против Ленина, а не против Мартова. Значит [,] борьба его с Лениным больше, чем с меньшевиками. Мы тут напомнили ему, что он отказался приехать в Париж прочитать курс лекций ученикам, Луначарский²² тоже бросил читать, Мартов, Дан²³, Маслов²⁴ тоже не приехали, все бросили партийные дела, только Вл[адимир] Ильич [Ленин] довел дело до конца, которое ему поручила партия. В чем и где его ошибки [,] мы не видим. Все это не понрави-

²¹ В своем письме из Парижа от 11 июня 1911 г., перехваченном Киевским охранным отделением, И.Д. Чугурин несколько иначе описал данный сюжет: «Мартов выпустил здесь брошюру против Ленина и комп[ании], в которой он заявляет, что Ленин и [другие] принимали деньги от экспр[оприатов] в то время [,] когда уже было запрещено Лондонским съездом, что на эти средства издаются газеты и ведут фракцион[ную] борьбу, что Ленину было оставлено одним буржуа 1.000.000 р[ублей] денег для большев[истской] фракции, что Ленин фактически владеет ими, всегда ставит ультиматумы тем, кто не соглашается с ним [,] и что другим течениям не дают возможности работать в каких-либо общих центрах... Теперь Мартов поднял этот вопрос снова публично. Тут нет принципиальной работы, а лишь одна руготня. Мы вынесли резолюции и заявили, что такие приемы борьбы не достойны и порицаем обе стороны. Он Ленина [и компанию] называет бандитской шайкой разбойников и т.д. Даже большевики начали настаивать на том, чтобы его не приглашать читать. Я и некоторые другие товарищи не соглашались с этим и решили отложить этот вопрос до приезда всех. Плеханов ответил нам, что сейчас не может приехать читать, так как он сильно занят» (ГОПАНО. – Ф. 1866. – Оп. 2. – Д. 856. – Лл. 2–3).

²² Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – участник российского социал-демократического движения с начала 1890-х гг. С 1904 г. большевик, за границу вошел в редакцию газеты «Вперед», затем – «Пролетарий». В 1905 г. вел революционную пропаганду в Петербурге, сотрудничал в редакции газеты «Новая жизнь». Делегат III и IV съездов РСДРП, в 1907 г. представлял большевистскую фракцию на Штутгартском конгрессе II Интернационала. После поражения революции разрабатывал концепцию «богостроительства», представляя «научный социализм» в качестве наивысшей формы религии. В 1909–1913 гг. наряду с А.А. Богдановым являлся одним из ведущих теоретиков группы «Вперед». В 1911 г. прочитал несколько лекций по истории искусства в партийной школе в Лонжюмо. С началом войны стал интернационалистом. После Февральской революции вернулся в Россию, летом 1917 г. в составе «межрайонной организации РСДРП» принят в партию большевиков. После прихода большевиков к власти занял пост народного комиссара просвещения.

²³ В письме из Женевы от 29 августа 1911 г. Д.И. Чугурин отмечал: «Был у Мартова и Дана и видел там твоего несчастного человечка. Это тот тип, ... которого ты читаешь статьи и хвалишь. О, какие они люди все. Мы имели спор с ними. Они действительно ликвидаторы...» (ГОПАНО. – Ф. 1866. – Оп. 2. – Д. 856. – Л. 4).

²⁴ Маслов Петр Павлович (1867–1946) – участник российского социал-демократического движения с конца 1880-х гг. За связь с марксистским кружком Н.Е. Федосеева был приговорен к трехлетнему тюремному заключению. После освобождения уехал за границу, изучал политэкономия в Венском университете. В 1896 г. вернулся в Россию, сотрудничал в ряде изданий в Самаре и Санкт-Петербурге. После II съезда РСДРП – меньшевик, один из ведущих партийных специалистов по аграрному вопросу. Разработал меньшевистскую программу «муниципализации» земли, которая была рассмотрена на IV съезде РСДРП (1906 г.). После Октябрьской революции 1917 г. отошел от политики, активно проявил себя как ученый и педагог. В 1929 г. избран действительным членом Академии наук СССР.

лось Плеханову. Он заявил, что он не отрицает, что Ленин большой стратег и тактик, но он не прав, когда хочет всех выгнать из партии. Все это происходило на набережной Женевского озера. Подумав немного, он предложил поехать на моторке на дачу к одному видному ученому. Приехав туда, мы пошли в сад [,] и к нам подошел садовник. Плеханов сказал ему что-то по-французски, предложив нам вместе с ним отдохнуть на скамейке, и стал рассказывать о хозяине дачи. Я занят был мыслями о том, как бы доказать Плеханову и убедить его, что ему нужно работать вместе с Лениным, и поэтому ничего не слышал, что он говорил. Помню только одно, что он рассказывал, что это большой ученый, но не социал-демократ.

Хозяин скоро появился [,] и Плеханов нас познакомил с ним. Рассказал он, что мы из России, там работали и что скоро едем обратно на работу [,] и что мы – рабочие, все с производства. Видимо [,] хотел показать, каких рабочих имеет Россия. Ученый через Плеханова задавал нам ряд вопросов, на которые мы охотно отвечали. Он спрашивал о рабочем движении, какое у нас положение в настоящее время. Я ответил, что сейчас интеллигенция от нас отшатнулась и очень много хороших работников сидит в тюрьмах и ссылке, что сейчас мы уже после 1909–1910 гг. сколотили нашу организацию [,] и теперь вновь рабочие массы начинают вести бой с самодержавием. Есть еще затруднения, это то, что наши верхи тащат рабочих в разные стороны. Это очень сильно сказывается на рабочем движении, но мы и это скоро переборем, пусть только Георгий Валентинович дружно работает с тов[арищем] Лениным, тогда нам ни Мартов, ни ликвидаторы не страшны. Мы их скоро выгоним. Легальная партия в России, пока есть самодержавие, существовать не может, поэтому нам необходимо, прежде всего, сосредоточивать силы на борьбе с самодержавием. Тогда ученый задал вопрос, как мы смотрим на то, что социал-демократы Франции и Германии, заключая блоки против реакции, поддерживают прогрессивные законы, что расширяет и внедряет культуру в стране, а чем культурнее страна, тем легче жить рабочему и меньше рабочему придется тратить сил на борьбу с реакцией.

Плеханов перевел его разговор, улыбнулся и спросил: “Ну, как ответите?”. [“] Да, тов[арищ] Плеханов, ответим [”], – заявил я. Пусть знает он, что у нас нет тех партий, которые были во Франции и Германии, которые опирались на интеллигенцию и просвещенных капиталистов. Милюков, как вождь интеллигенции, давно уже заявил, что он не оппозиция его Величеству, а оппозиция его величества. Это значит, что он за самодержавие, а мы против. Ведь в рамках самодержавия никаких свобод мы не получим, поэтому Милюков и против рабочего движения, он ясно осознал, что в России подчинить рабочий класс под влияние буржуазии не удастся. Это показал 1905 год. И пусть они не смешивают Францию и Германию с самодержавной Россией. Ведь буржуазия Франции и Германии в 1870-х гг. имела большое влияние на пролетариат и не раз загребала жар его руками. Мы рабочими советами сразу выкинули всех либералов за борт. Мы через

них сразу брали власть в свои руки. Это видят Милюков и Гучков и компания, поэтому они нас больше боятся, чем самодержавия. Ведь тов[арищ] Плеханов заявил на конгрессе в Париже, что рабочий класс, организованный в единую партию, может победить самодержавие, ведь в этом положении нам, рабочим, дана большая возможность практической работы и указана правильная линия для свержения самодержавия. Всем другим народным партиям, как то нар. соц. [на-родно-социалистической] [,] с-р[эсеровской] и анархистской – грош цена, они не являются влиятельными партиями и практически сами по себе силы не имеют, а если мы дадим крестьянам землю, то они пойдут с нами. И через заводскую продукцию мы сумеем наладить отношения. Поэтому сегодня мы должны вести борьбу со всеми, кто против нелегальной партии, против тех, кто хочет через влияние буржуазных идей привести рабочий класс к социал-демократическим идеям. Это путь большой и трудный, а главное ненужный для России. Мы должны вести рабочий класс через беспощадную критику идей буржуазии и либералов, как лицемеров и обманщиков рабочего класса [,] и доказывать рабочим, что они, как авангард всего революционного движения, как сплоченный в единицу²⁵ С.Д.Р.П. [социал-демократической рабочей партии], могут быть победителями самодержавия и буржуазии, и теперь везде и всюду подчеркивать, что буржуазия уже встречает более сильного врага, чем наше сгнившее самодержавие.

Плеханов все время постепенно переводил, с некоторой улыбкой взирая на ученого. Ученый через Плеханова спросил – верно ли то, что мы рабочие, что он сомневается в этом, по нашим рассуждениям мы не похожи на рабочих, что мы давно [,] наверное [,] не работаем на заводе.

Я тут же показал свои руки, на которых были громадные мозоли [,] и масло и кислота еще не сошли с рук [,] и другие товарищи тоже показали свои руки. У всех были мозоли. Я тогда, встав, воскликнул: “Скажите ему, Георгий Валентинович, что нас много теперь таких рабочих в России [,] и работаем мы на заводах. Не профессионалы-революционеры мы, а рабочие-революционеры. Прав тов[арищ] Лафарг, который написал, что русский рабочий по социалистическому сознанию стоит выше французского рабочего [”].

Ученый, обратясь к Плеханову, сказал, что если это так, то дела самодержавия в России плохи. После этого встал и, извинившись перед нами, заявил, что ему нужно ехать и что он очень жалеет, что ему мало удалось с нами побеседовать. Во время разговора я наблюдал за Плехановым, как его чудные глаза разгорались, сколько в них чувствовалось энергии, революционного огня, боевого духа. Видимо [,] ему хотелось сказать, что да, наши плоды пустили крепкие корни, их никакой реакцией теперь не задушить! Ученый пожал нам руки [,] и мы разошлись.

Плеханов обратно уже не взял моторки, а захотел пройтись с нами пешком. Дорогой он с нами вел разговор, но в этом разговоре я уже не чувствовал того то-

²⁵ Так в документе.

на нравоведения, к которому он часто прибегал в литературе. В беседе с нами вел разговор простым языком, что нас всех поражало. Сколько лет в эмиграции и не потерять рабочего языка. Идя с нами, он не раз повторял: “Да, как хорошо, как я отдохнул, как хорошо дышится! Вот это хорошая прогулка, как скоро мы дошли. Жаль, жаль, что дорога коротка [”].

Распростившись [,] мы пошли в номера своей гостиницы, он домой, предварительно договорившись, что он завтра начнет читать лекции по 2 часа в день о материализме, первую лекцию о гносеологии. Плеханов прочитал нам 5 лекций, из которых одна была по теории познания и четыре о материалистическом понимании истории.

Придя на другой день к 10 час[ам] утра [,] его жена нас привела в кабинет. Это была просторная комната, чистая, вокруг стен высокие шкафы за стеклом, все уставлены книгами, два дивана, пара кругленьких столов, несколько стульев, большой письменный стол, большой чернильный прибор, большое окно, выходящее на улицу. Нас, приехавших из Лонжумо, собралось 4 человека и живущих в Женеве эмигрантов человек 8. Всего 12 человек. Перед началом занятий жена Плеханова нас предупредила, что у Георгия Валентиновича болит горло и ему трудно долго говорить, чтобы мы ему дали возможность передохнуть, и через час она сделает перерыв. Конечно, трудно передать его лекцию полностью, но я помню очень хорошо приведенный им пример о том, есть ли вне материи дух, сознание, мысль, они вырабатываются в мозгу, в материи. Он привел следующий пример: “Если мы сделаем цементный погреб и туда положим мешок муки и пустим пару мышей, закупорим этот погреб, чтобы туда не могло попасть извне ничто, то через несколько времени, открыв погреб, мы увидим, что в мешке муки стало меньше, а мышей больше [,] и мы увидим, что здесь никакого сознания извне не пришло. Из “мертвой” муки появились мыши и с сознанием, и так можно весь мешок превратить в мышей, у которых будет сознание. Можно ли говорить, что в муке было сознание? Нет. Без муки могли ли быть мыши? Нет. Значит, ясно, что сознание, появившееся у мышей, выработалось в них самих. Стук, шум, передававшиеся извне через их органы, создали ассоциации мысли сознания²⁶, что необходимо прятаться, защищаться. Это иллюстрирует, что извне в мозг ничего не передалось, кроме переработанной отцом и матерью муки. Здесь мы видим, что материя, движение – едины. Нет движения без материи и материи без движения”.

Окончив лекцию, он задал вопросы, понятна ли была его лекция, нет ли вопросов. Все заявили, что понятна, я заявил, что она понятна, но для того, чтобы *знать*²⁷, что он излагал, надо еще очень много читать и читать так, чтобы хорошо все продумывать, а мы еще к этому себя хорошо не приучили.

²⁶ Так в документе.

²⁷ Подчеркнуто в документе.

Я задал еще несколько вопросов о марксизме и научном социализме как о единственно правильном пути, освещающем все общественные вопросы, возникающие на арене классовой борьбы, соотношения классов и развития производительных сил. О диалектическом методе, его революционной значимости в рассмотрении и изучении истории, возможности правильно решать задачи [,] о предвидении хода борьбы...²⁸

Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. – Ф. 244. – Оп. 2. – Д. 1180. – Лл. 1–8. Машинописная заверенная копия.

²⁸ Далее следует примечание Г.Э. Чугуриной, жены И.Д. Чугурина: «(Окончание воспоминаний не найдено.)

(После поездки в Женеву, при возвращении на родину для дальнейшей подпольной работы Чугурин И.Д. был арестован на польской границе, заключен в тюрьму и после суда за принадлежность к РСДРП выслан в Нарымский край на поселение на 5 лет.)».